

БУДУЩАЯ АРКТИКА: РАСКОЛОТАЯ, «ЗЕЛЕНАЯ» И МАЛОЛЮДНАЯ?

ARCTIC OF THE FUTURE: SPLIT, “GREEN” AND DESERTED?

Криворотов А. К.

Krivorotov A. K.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Арктика, конфронтация,
США, Россия, Китай,
«зеленая повестка»

KEY WORDS:

Arctic, confrontation,
United States, Russia, Chi-
na, green agenda

АННОТАЦИЯ

Современный раскол мировой Арктики, выразившийся в прекращении западными странами сотрудничества с Россией, объективно назревал достаточно давно в связи с расхождением интересов все более широкого круга участников освоения Арктики и глубокими трансформационными процессами в глобальной экономике и политике. В последние годы они вылились в идеологизированные международные дискуссии о будущем Арктики — месте в ней человека, управлении регионом и его целевом образе. Пользуясь обострением международной обстановки, США стремятся к лидерству в западной половине Арктики, активно продвигая свою узкую линию на конфронтацию с Россией с помощью НАТО, на блокирование Китая, свертывание нефтегазодобычи и в целом жесткие ограничения хозяйственной деятельности. Для нажима на другие страны (особенно Россию) будут, видимо, активно использоваться климатические и природоохранные лозунги и аморфные принципы ESG. Эти подходы, во многом отражающие специфику американской Арктики, могут встретить поддержку Канады, Швеции, ЕС. В то же время их жесткое продавливание не только не позволяет выработать ответ на глобальные вызовы Арктики, включая ценимые на Западе экологию и интересы коренных жителей, но и способ-

ABSTRACT

The ongoing split of the global Arctic, with Western countries freezing cooperation with Russia, had been maturing over time, as the increasing number of Arctic stakeholders pursued different interests and the world economy and politics entered a deep transformation. Over the past few years, these differences sparked ideologically laden discussions on Arctic futures: the role of humans, governance and target images of the region. The U.S. has taken advantage of the international tensions to start establishing its leadership role in the Western half of the Arctic, promoting a narrow agenda of confronting Russia (with a special role for NATO involvement), blocking China, decreasing hydrocarbon activities and imposing major limitations on economic activities at large. Climatic and environmental slogans, as well as vague ESG principles, will be used to apply pressure on other nations, notably on Russia. Such approaches, which largely reflect the specific American Arctic agenda, are likely to get support from Canada, Sweden, and the EU. Meanwhile, this hard line is not just incapable to meet the global Arctic challenges (including the issues of environment and Indigenous interests, which are highly appreciated

но нанести серьезный урон экономическому развитию Исландии, Гренландии и Норвегии.

Россия со своей стороны не видит реальных возможностей сотрудничества с западными странами и готова открыть доступ в Арктику конструктивным внерегиональным государствам. Можно поэтому ожидать, что Арктика ближайших 15–20 лет будет идейно разобщенной, открытой для проникновения третьих сторон, подверженной жесткому международному экологическому нажиму (особенно в части нефтегаза) и более милитаризованной. При этом ее глобальное значение будет снижаться по мере смещения центра мирового внимания в район «Индо-Пацифики» — главного театра американо-китайского противостояния.

in the West), but may equally damage the economic development of Iceland, Greenland, and Norway.

Russia on its part sees no realistic opportunities for cooperation with Western countries and is ready to provide access to the Arctic for constructive non-regional states. In the next 15–20 years the Arctic is therefore likely to stay ideologically divided, open for outside parties, exposed to hard, environmentally motivated international pressure, and more militarized. Its global importance will be diminishing, as the global focus progressively squeezes towards the key theater if U.S. — China confrontation, the Indo-Pacific.

Криворотов А. К.

к.э.н., доцент кафедры управления инновациями Одинцовского филиала МГИМО МИД России.

—
krivorotov@starlink.ru

Krivorotov A. K.

PhD in Economics, Assistant Professor, Innovation Management Department of the Odintsovo branch of MGIMO, member of the International Arctic Social Science Association .

—
krivorotov@starlink.ru

Современное международное сотрудничество в Арктике по своей сути есть продукт глобализации

Непосредственным поводом для текущего раскола мировой Арктики, самый свежий пример которого — вынужденный выход России из Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) [1], послужила, как известно, реакция западных стран на территориально далекий от Полярного круга украинский кризис. Представляется, однако, что подлинные причины арктических событий вызревали уже достаточно долго. Они и глубже, и шире текущего противостояния России и Запада.

Современное международное сотрудничество в Арктике по своей сути есть продукт глобализации. С одной стороны, она рывком распахнула Заполярье для конкуренции и внешних инвестиций, имевших порой разрушительный характер; с другой — устранила прежние идеологические барьеры для сотрудничества перед лицом общих проблем. Началось создание в Арктике сети региональных организаций, включая образованный в 1996 году Арктический совет (АС). В эти контакты вовлекались не только сами арктические страны, но и постоянно растущий круг внерегиональных игроков. Среди них были широко представлены

и негосударственные структуры различной природы: ТНК, финансовые структуры, экологические движения, организации коренных жителей и др., каждая со своими характерными целями и задачами — более узкими, чем у государств, но опирающимися на собственные организационные, финансовые и медийные ресурсы. Они могут оказывать серьезное влияние на ход экономического развития Арктики [2]. Примером тому упорная и нередко успешная борьба американских финансовых компаний с нефтегазодобычей на Аляске, канадских инуитов и севернорвежских рыбаков с морской сейсморазведкой, а норвежских саамов с ветроэнергетикой.

Параллельно с увеличением числа заинтересованных сторон нарастали и идейные расхождения между ними, тем более что мир в целом вступил в полосу мощных трансформаций: развертывание новой «длинной волны» технологического развития, обострение соперничества США и КНР, ускорение глобального потепления и мировая реакция на него — низкоуглеродный переход и др. В идейно-политическом плане это привело к достаточно жестким дискуссиям о дальнейшем пути развития мировой Арктики, которые затрагивали по крайней мере три ключевых вопроса:

- 1) оптимальное место человека в Арктике — свести ли его присутствие к минимуму по природоохранным (особенно климатическим) соображениям или же продолжать освоение региона на принципах устойчивого развития;
- 2) организация управления Арктикой — доверить его восьми арктическим странам — постоянным членам АС (или даже более узкой Илулиссатской пятерке прибрежных государств) либо расширять полномочия внерегиональных игроков, вплоть до объявления Арктики общим благом человечества;
- 3) целевой политический образ Арктики — считать ее уникальной лабораторией международного сотрудничества по решению общих проблем или же ареной нового геополитического соперничества.

С подачи США в регионе победила линия на идеологический, политический и хозяйственный раскол, грозящий во многом обесценить результаты долгой кропотливой работы

Способность АС и других институтов, созданных в эпоху глобализации, пережить это напряжение стала вызывать сомнения специалистов [3]. Последующие события, к сожалению, подтвердили возникшие опасения. В течение 2022 года все упомянутые развилки арктического развития были по существу пройдены. С подачи США в регионе победила линия на идеологический, политический и хозяйственный раскол, грозящий во многом обесценить результаты долгой кропотливой работы.

Страны Запада 3 марта 2022 года поставили на паузу свое участие в работе Арктического совета, где состоят семь из восьми постоянных членов и где в тот момент председательствовала наша страна, что вызвало резкое осуждение российского МИДа [4]. В течение еще нескольких дней они «прекратили мероприятия с участием России» в Баренцевом/Евроарктическом регионе, Арктическом экономическом совете, заморозили связи по линии коренных народов и ученых (Международный арктический научный комитет, сеть арктических опорных наблюдений под эгидой АС, Университет Арктики и др.). После трех месяцев раздумий министры иностранных дел западных стран Арктики 8 июня 2023 года заявили об «ограниченном возобновлении» своей работы в рамках АС, но лишь по ранее начатым проектам без участия России.

Позиция западных стран не является единодушной. Имеются ответственные политики и ученые, которые и в нынешней обстановке, осуждая Россию в конфликте на Украине, выступают за продолжение сотрудничества с ней в Арктике. В качестве аргументов приводятся, в частности, насущные проблемы климата и коренных народов, а также необходимость не допустить чрезмерного усиления позиций китайских инвесторов в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) [5]. «Как бы ни разворачивались события в Европе, Россия все равно остается половиной циркумполярного мира, — подчеркивает канадский политолог Барри Скотт Зел-

Эффективное и мирное управление Арктикой по-прежнему требует участия и согласия России

лен. — Эффективное и мирное управление Арктикой по-прежнему требует участия и согласия России» [6]. Серьезную озабоченность прекращением контактов с россиянами выражали и представители коренного населения, причем не только саамы, но и, казалось бы, менее вовлеченные в это общение североамериканские индейцы племени гвичинов.

В экономическом развитии Арктики всегда играла большую роль политика, но теперь ее примат стал определяющим. При этом на роль бесспорного лидера в зарубежной Арктике, согласно новой редакции национальной арктической стратегии, [7] претендуют США, настроенные наиболее радикально: полное замораживание контактов с Россией, жесткая «зеленая повестка», свертывание арктической нефтегазодобычи, жесткие ограничения иной хозяйственной деятельности, «обеспечение свободы судоходства», то есть оспаривание национальных статусов Севморпути и канадского Северо-западного прохода. Администрация Байдена отдает себе отчет, что от ее политики пострадает и экономика Аляски, но воспринимает это достаточно спокойно: ни в экономике, ни в политике США Арктика неприоритетна, ее интересами можно и пренебречь ради соображений более высокого уровня.

В данной обстановке становится практически нереализуемым любое деловое взаимодействие России со странами Запада в Арктике в сфере инвестиций, транспорта, информационной инфраструктуры, науки (за редкими частными исключениями), образования. Безусловно, возможны нюансы. Норвегия, например, не собирается отказываться от крайне важного для себя двустороннего сотрудничества по вопросам регулирования рыболовства в Баренцевом море [8], существующего с 1970-х годов, но общая тенденция задана четко.

Параллельно усиливается линия на блокирование проектов Китая, противодействие его претензиям на статус «приарктическое государство». Отметим, что исследовательская служба конгресса США еще в 2021 году предлагала также рассмотреть вариант отзыва у КНР наблюдательного статуса в АС в качестве меры экономического наказания за ее действия в Южно-Китайском море [9].

«Новая реальность» Арктики

В то же время представляется, что дальнейшее развитие региона будет серьезно отличаться и от арктического соперничества узкой группы великих держав в XVIII–начале XX века, и от замкнутого блокового, прежде всего военно-политического, противостояния 1950–1980-х годов.

Прежде всего о закрытии Арктики по принципу «только для своих» речи не идет. В этом смысле плоды глобализации, видимо, сохраняют свое действие. В частности, все западные арктические государства приветствуют активизацию НАТО в регионе, особенно в свете вхождения в него Финляндии и Швеции. В октябре 2022 года, когда процесс вступления только разворачивался, председатель военного комитета блока адмирал Роб Бауэр прокомментировал: «С таким уровнем интеграции мы сможем лучше определить роль НАТО на Крайнем Севере, равно как и извлекать выгоды от наличия в этом регионе дополнительных сил и средств» [10]. Аналогичные результаты будет иметь активизация в Скандинавии руководимого Великобританией Объединенного экспедиционного корпуса. Этот процесс будет сопровождаться растущим проникновением на Север неарктических стран НАТО, что отвечает их собственным заявленным интересам.

Все западные арктические государства приветствуют активизацию НАТО в регионе, особенно в свете вхождения в него Финляндии и Швеции

Военная значимость Евросоюза как американского партнера на Крайнем Севере будет при этом объективно снижаться. Стратегия США в Арктическом регионе вообще не упоминает ЕС; в Стратегии национальной безопасности он рассматривается лишь в контексте торгового сотрудничества, украинского кризиса и противостояния с Китаем [11]. В то же время ЕС может представлять в Арктике ценность для

Демократической партии США как ключевой участник климатического процесса и принципиальный противник нефтегазодобычи. Вероятнее всего, демократы будут предлагать Брюсселю и другим неарктическим игрокам вроде Турции и Японии политическую «сделку» — обеспечение им доступа в Арктику (получение и сохранение статуса наблюдателя в АС, поддержку их возможных претензий к России и др.) в обмен на поддержку американских позиций. Вашингтон будет, видимо, стремиться использовать эти организации и страны, равно как и подконтрольные США международные компании и экологические НКО в качестве полезных «приводных ремней» для продвижения американской политической линии в мировом Заполярье.

Россия в свою очередь устами президента (на совещании 13 апреля 2022 года) заявила, что открыта для совместной работы в Арктике со всеми заинтересованными партнерами и готова активнее привлекать внерегиональные государства и объединения [12]. В начале 2023 года эта позиция нашла официальное закрепление в поправках к Основам государственной политики в Арктике [13] и в новой редакции Концепции внешней политики России. Последняя (в п. 50) более не упоминает АС, СБЕР и другие замороженные Западом форматы, но уделяет приоритетное внимание «налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути» [14]. На практическом уровне ведется работа по привлечению в энергетические проекты инвесторов из КНР, Индии, Сингапура, арабских стран; в АЗРФ широко представлены строительные компании Турции.

В экономической и экологической сфере, очевидно, сохранит свое действие такое наследие глобализации, как международное идеологизированное воздействие на развитие арктических стран. Де-факто речь сейчас идет, повторимся, о борьбе США за абсолютное лидерство с утверждением их собственного, весьма специфического взгляда на Арктику. Среди других арктических государств наиболее сходных позиций придерживаются Канада и Швеция. Их компании практически не ведут в Арктике нефтегазовых операций, но осуществляют добычу дефицитных критических минералов. Широких связей с Россией, в том числе в Заполярье, у них также нет в силу как объективных причин, так и мощного влияния антироссийских (соответственно, украинского и прибалтийских) политических лобби.

Вполне возможно ускоренное введение достаточно жестких международных экологических стандартов и запретов

Опираясь на поддержку этих стран, ЕС, Великобритании и природоохранных НКО и исключив из дискуссий Россию как главного сторонника освоения Заполярья, США будут, оперируя климатическими лозунгами, усиливать нажим на своих партнеров, продвигать принципы сдерживания хозяйственной активности в Арктике по американской модели. Вполне возможно ускоренное введение достаточно жестких международных экологических стандартов и запретов. Они могут быть неформальными, но от того не менее действенными, как показал бойкот американских банков против нефтегазовых проектов на Аляске. Такой вариант будет в наибольшей степени отвечать интересам «глубинного государства» в США, позволяя ему решать несколько важных задач — международное продвижение американской «зеленой повестки» (с сохранением за собой возможности отступить от нее при необходимости), дискредитация российской арктической программы как «не соответствующей принципам ESG» и попутное нанесение ущерба европейским союзникам.

Следует отметить, что «климатическое наступление» на отечественную, не имеющую аналогов промышленность в Арктике вполне вписывается в логику текущего асимметричного противостояния с Западом. Если он не может повторить наши достижения, то просто дезавуирует их: победу во Второй мировой — разработкой концепции о «равной ответственности тоталитарных режимов за развязывание войны», успехи российских спортсменов — их огульной дисквалификацией и запретом выступать на международных соревнованиях (под национальным флагом

либо вообще) и т. д. Аналогично, коль скоро у западных стран не получается нарастить хозяйственное присутствие в Арктике до сопоставимых размеров, можно попытаться обнулить российские успехи, пользуясь модными экологическими лозунгами. Долгосрочный же расчет, как и в целом в нынешней политике Запада, делается на «политические изменения» внутри России, чтобы та в итоге вернулась в западное сообщество, но уже на иных, определенных им условиях.

В зарубежной Арктике наиболее уязвимыми окажутся малые, не входящие в ЕС территории Северной Атлантики

В зарубежной Арктике наиболее уязвимыми окажутся малые, не входящие в ЕС территории Северной Атлантики. От Исландии и Гренландии американцы будут добиваться отказа от китайских инвестиций, стремясь, как мы предсказывали еще в 2013 г. [15] не столько «перекупить» скандинавов более крупными и выгодными вложениями, сколько политически на них надавить, по сути, в ущерб их экономике. Исключения могут составить лишь отдельные важные для США проекты вроде сооружения военных объектов и разработки месторождений критических минералов.

Особенно сложные процессы будут, видимо, происходить на Гренландии и вокруг нее. Неафишируемая конкуренция Дании и США, отказ от нефтегазопроисводственных работ, блокирование китайских проектов параллельно с ростом военно-стратегического значения острова будут серьезно затруднять его экономическое и социальное положение. В этих условиях нарастание сецессионистских настроений среди коренных жителей может привести к масштабным и труднопредсказуемым изменениям [16].

Другой проблемной зоной станет добыча углеводородов на арктическом шельфе Норвегии. В 2022 году эта страна, мобилизовав все имевшиеся резервы, нарастила производство газа на 8% и довела свою долю на рынке ЕС до одной трети, оперативно заполнив оставленную Россией нишу [17]. С этой целью помимо прочего правительство стимулирует дальнейшую геологоразведку на шельфе, в июне 2023 года в ускоренном режиме согласовало освоение 19 небольших, даже считавшихся ранее низкорентабельными месторождений, включая заполярное Ирпа. Пока эта активность приветствуется коллективным Западом, поскольку позволяет решать неотложную задачу снижения импортной зависимости от российского топлива. На перспективу, однако, Норвегии и Великобритании, а также энергетическим компаниям неарктических стран Европы тоже предстоит столкнуться с возрастающим нажимом США. Судя по недавним выступлениям норвежского руководства, оно осознает эти риски и начало заранее готовить общественность [18].

Важным результатом роста международной напряженности в Арктике станут также, с одной стороны, ужесточение режимов иностранного инвестирования в гражданские отрасли, а с другой — растущая ремилитаризация региона. Речь идет, в частности, о дальнейшем военном строительстве в АЗ РФ, ускоренном военно-техническом освоении севера Швеции и Финляндии (например, создании базы ВВС США в Рованиеми), о возобновлении боевого патрулирования на Фареро-Исландском противолодочном рубеже, масштабном обновлении ледоколов в США и др. Тем самым военное присутствие станет вновь превращаться в один из главных, но при этом достаточно куцых и нестабильных драйверов роста арктической экономики.

Арктика будет постепенно смещаться на периферию глобальной политики, где ранее обычно и находилась

В целом, однако, Арктика будет постепенно смещаться на периферию глобальной политики, где ранее обычно и находилась. Ситуация изменилась лишь в XX веке, особенно в эпоху холодной войны, когда Заполярье служило ареной непосредственного соприкосновения СССР и США с их союзниками, чье геостратегическое соперничество было главной доминантой мирового развития. Через Северный Ледовитый океан и Берингово море пролегали кратчайшие морские и воздушные пути доставки ядерного оружия между ними, в Северной Атлантике пересекались главные линии стратегических коммуникаций НАТО и пути боевого развертывания сил советского Северного флота. Арктика стала районом постоянного патрулиро-

Несмотря на всю остроту конфликта с Россией, США в качестве долгосрочного главного соперника видят КНР

вания боевых и разведывательных самолетов, надводных кораблей и подводных лодок. Все это определяло пусть однобокий, но все же устойчиво высокий интерес к Арктике со стороны политического и военного руководства ведущих стран мира.

В современных же условиях, несмотря на всю остроту конфликта с Россией, США в качестве долгосрочного главного соперника видят КНР. В ходе 2022 года эта принципиальная позиция лишь усиливалась по мере роста напряженности вокруг Тайваня. Так, Стратегическая концепция НАТО, принятая на мадридском саммите 29 июня 2022 года, еще называла Россию «наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств — членов НАТО», особо упоминая впервые в истории документов такого рода ее военный потенциал на Крайнем Севере. При этом, несмотря на негативные оценки углубления стратегического партнерства между Китаем и Россией, НАТО все же заявляло: «Мы по-прежнему открыты для конструктивного взаимодействия с КНР» [19].

Однако новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная президентом Дж. Байденом спустя три с половиной месяца, содержит на сей предмет уже иные формулировки с четким разделением стратегических и тактических приоритетов: «Россия и КНР порождают разнородные вызовы. Россия представляет собой непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе... В отличие от нее КНР является единственным конкурентом, имеющим как намерение перестроить международный порядок, так и возрастающую экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения данной цели» [11]. Долгосрочная политика США будет строиться исходя из этого видения.

В результате возвышения Китая и Индии основной центр мировой экономики и политики смещается, таким образом, в Южную, Юго-Восточную Азию и омывающие их моря. Американцами был даже предложен новый геополитический концепт «Индо-Пацифика», с 2018 года введенный в официальный оборот. Речь фактически идет о поиске нового баланса сил США и двух великих азиатских держав, включая серьезный военно-политический компонент [20]. США при этом действуют во многом по образцам холодной войны, пытаются окружить КНР поясом недружественных государств и собственных военных баз с созданием военно-политических структур антикитайской направленности, таких как американо-британско-австралийский блок АУКУС, четырехсторонний диалог по безопасности Quad, объединение разведок «Пять глаз» и др.

Китай в свою очередь наращивает собственный военно-морской потенциал ближней и дальней зоны действия, энергично обустроивает спорные острова в Южно-Китайском море, создал в регионе Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство [21] и зону свободной торговли в АСЕАН и др.

С этой точки зрения Арктика из главного театра потенциальной мировой войны превращается в далекий стратегический тыл Китая и США. Они, безусловно, сохраняют к ней интерес, но в достаточно узком контексте — как к источнику ценных природных ресурсов, арене для купирования российской внешнеполитической активности и проведения отвлекающе-сдерживающих Китай маневров в духе традиционной «стратегии непрямых действий».

Еще одной важной характеристикой будущей Арктики станет изменившаяся и неравномерная востребованность ее ресурсов на мировом рынке. Можно ожидать сохранения и роста спроса на отдельные виды сырья (редкоземельные элементы, руды цветных металлов, ценные породы рыб и др.), возобновляемые энергоресурсы, туристический потенциал. В то же время мировой спрос на нефть и газ в перспективе стабилизируется и начнет снижаться, причем центр его тяжести будет смещаться на юг, все дальше от арктических районов добычи. Традиционные виды тяжелой промышленности и арктическое судоходство будут испытывать

Арктика из главного театра потенциальной мировой войны превращается в далекий стратегический тыл Китая и США

возрастающее экологическое давление вплоть до угрозы объявления их не соответствующими целям устойчивого развития и принципам ESG. Интерес военных ведомств будет хотя и выше, чем на рубеже веков, но все же заметно уступать периоду холодной войны.

Таким образом, начинают формироваться контуры некоей новой, поляризованной Арктики. На одном «полюсе» — Россия, активно использующая свое положение единственной азиатской арктической страны для привлечения в регион новых игроков (особенно стран БРИКС), более широко и системно сопрягающая освоение Арктики с поворотом на Восток. На другом — семь стран НАТО, вовлекающие в Арктику структуры Евросоюза, крупные западноевропейские и азиатские государства. В целом, однако, они будут больше склоняться к ограничению хозяйственной деятельности в Заполярье, поддержке низкоуглеродных решений и традиционного сектора.

Жесткое подчинение Арктики интересам внешней политики, дополненное на Западе мощным экологическим нажимом, грозит вновь превратить ее в «безглотую», а отчасти и опустевшую периферию. В то же время обострение заочного соревнования за создание наиболее привлекательного образа Арктики дает ее регионам новый шанс на развитие с опорой на технологии завтрашнего дня, причем, рассуждая с позиций самих регионов, не столь значимо, кто привнесет эти технологии — ресурсные компании, компьютерные ТНК или военные. Главное, чтобы они оседали, осваивались и развивались на местах.

Арктический совет как организация остается, но наполовину бездействует или в лучшем случае утрачивает положение лидирующего органа регионального сотрудничества. Реальная конкуренция между двумя «полюсами» развернется за третьи страны — за создание более привлекательного образа Арктики и более выгодных условий для их проникновения в регион.

Этот весьма нетрадиционный сценарий ставит перед арктической экономикой, прежде всего российской, сложные и нестандартные задачи.

Литература

1. Заявление МИД Российской Федерации о выходе России из Совета Баренцева / Евроарктического региона // МИД Российской Федерации [электронный ресурс]. 18.09.2023 // URL — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899/ (дата обращения: 18.09.2023).
2. Сельхейм Н., Менезес Д. Р. Управление, принятие решений и негосударственные акторы в Арктике // Негосударственные акторы в Арктическом регионе / Н. Сельхейм, Менезес Д. Р. (ред.). — Хам: Шпрингер, 2022. — С. 3–14.
3. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России: монография / под общ. ред. и с предисл. Т. М. Исаченко, Л. И. Ревенко. — М.: МГИМО-Университет, 2022. — 403 с.
4. В МИД сообщили о последствиях заморозки работы Арктического совета // МИД Российской Федерации [электронный ресурс]. 20.05.2022 // URL — <https://ria.ru/20220520/mid-1789662641.html> (дата обращения: 22.05.2022).
5. Бьюкенэн Э. Красная Арктика. Российская стра-

References

1. MFA of Russia Statement on Russia's exit from the Barents/EuroArctic Region // MFA of Russia [electronic resource]. 18.09.2023 // URL — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899/ (accessed: 18.09.2023) (in Russ.).
2. Sellheim N., Menezes D. R. Arctic Governance, Decision-Making and Non-state Actors // Non-state Actors in the Arctic Region / N. Sellheim, D. R. Menezes (eds.). — Cham: Springer, 2022. — P. 3–14.
3. New Paradigm of International Economic Relations Development: Challenges and Prospects for Russia / T. M. Isachenko, L. I. Revenko (eds., foreword). — Moscow: MGIMO University, 2022. — 403 p. (in Russ.).
4. MFA warns on consequences of the Arctic Council freeze // MFA of Russia [Electronic resource]. 20.05.2022 // URL — <https://ria.ru/20220520/mid-1789662641.html> (accessed: 22.05.2022, in Russ.).
5. Buchanan E. Red Arctic. Russian Strategy Under Putin. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Brookings Institution Press, 2023. — 224 p.
6. Zellen B. S. The World Needs the Whole Arctic

- тегия при Путине. — Лэнэм: Роуман и Литлфилд Паблишерз, Институт Брукинга, 2023. — 224 с.
6. Зеллен Б. С. Миру сейчас более чем когда-либо нужен полный Арктический совет // Северное обозрение. — 2023. № 54. — С. 137–160.
 7. Национальная стратегия для Арктического региона. — Вашингтон: Белый дом, 2022. — 15 с.
 8. Россия и Норвегия согласовали условия промысла общих водных биоресурсов в 2023 году // ИТАР-ТАСС [электронный ресурс]. 25.10.2022 // URL — <https://tass.ru/ekonomika/16151185> (дата обращения: 10.09.2023).
 9. Стратегическое соперничество США и Китая в Южно- и Восточно-Китайских морях: предистория и задачи для конгресса. Обновлено 18 февраля 2021 г. // Отчет исследовательской службы конгресса США № R42784. — Вашингтон: Исследовательская служба конгресса, 2021. — 32 с.
 10. Председатель Военного комитета НАТО подчеркнул стратегическое значение Арктики // НАТО [электронный ресурс]. 15.10.2022 // URL — https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208099.htm (accessed: дата обращения: 10.09.2023).
 11. Стратегия национальной безопасности. Вашингтон: Белый дом, 2022. 47 с.
 12. Совещание по вопросам развития Арктической зоны // Президент Российской Федерации [электронный ресурс]. 13.04.2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 18.02.2023).
 13. Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. № 112 «О внесении изменений в Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru [электронный ресурс]. Дата публикации 27.02.2023. № 0001202302270004.
 14. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.
 15. Криворотов А. К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е. И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2013. — С. 158–192, 185–186.
 16. Сидяков Д. Ю., Криворотов А. К. Проблемы Арктики в стратегическом планировании государств региона: опыт 2022 года // Арктика-2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. № 1. — С. 4–10.
 17. Норвежский газ важен для энергетической безопасности Европы // Норвежский нефтяной директорат [электронный ресурс]. 05.04.2023 // URL — <https://www.npd.no/aktuelt/nyheter/generelle-nyheter/2023/norsk-gass-viktig-for-europas-energisikkerhet/> (дата обращения: 18.09.2023).
 18. Министр иностранных дел Норвегии Анникен Уитфельдт. Внешнеполитический отчет // Правительство Норвегии [электронный ресурс]. 21.03.2023 // URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/utenrikspolitisk-redegjorelse-2023/id2967341/> (дата обращения: 18.09.2023).
 19. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. — [Брюссель]: НАТО, 2022. — 12 с., с. 4–5.
 20. Куприянов А. Индо-Пацифика как геополитический конструкт: подход Индии и интересы России // Международная жизнь. № 11. 2021. — С. 60–71.
 21. Королев А. С. ВРЭП в системе многостороннего экономического сотрудничества в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. Вып. XXXVI. — С. 46–57.
 22. Council Now More Than Ever // The Northern Review. 2023. No. 54. — P. 137–160.
 23. National Strategy for the Arctic Region, October 2022. — Wash.: The White House, 2022. — 15 p.
 24. Russia, Norway agree on harvesting common marine stocks in 2023 // ITAR-TASS News Agency [electronic resource]. 25.10.2022 // URL — <https://tass.ru/ekonomika/16151185> (accessed: 10.09.2023).
 25. U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas: Background and Issues for Congress. Updated February 18, 2021 // CRS Report R42784. — Wash.: CRS Congressional Research Service. 2021. — 32 p.
 26. Chair of the NATO Military Committee highlights strategic importance of the Arctic // NATO [Electronic resource]. 15.10.2022 // URL — https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208099.htm (accessed: 10.09.2023).
 27. National Security Strategy. Washington. — D.C.: White House, 2022. — 47 p.
 28. Meeting on Developing the [Russian] Arctic Zone // President of the Russian Federation [Electronic resource]. 13.04.2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188> (accessed: 18.02.2023).
 29. Decree by the President of the Russian Federation of February 21, 2023 No. 112 «On Amending the Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic through 2035 as enacted by the Decree by the President of the Russian Federation of March 5, 2020 No. 164 // Official legal information portal www.pravo.gov.ru [electronic resource]. Publication date: 27.02.2023. Ref. No. 0001202302270004 (in Russ.).
 30. Decree by the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 «On adopting the Russian Federation Foreign Policy Concept» // Russian Legal Acts Bulletin. 2023. No. 14. Artc. 2406.
 31. Krivorotov A. K. Arctic Activation of China: A View from Scandinavia // China in World and Regional Politics. Issue XVIII / E. I. Safronova (ed.-in-chief). — Moscow: IFES RAS, 2013. — Pp. 158–192.
 32. Sidiyakov D. Yu., Krivorotov A. K. Strategic Priorities of Arctic States National Policy // Arctic-2035: Issues, Problems, Solutions. 2023. No. 1. — P. 4–10.
 33. Norsk gass viktig for Europas energisikkerhet // Norsk Petroleumsdirektorat [elektronisk ressurs]. 05.04.2023 // URL — <https://www.npd.no/aktuelt/nyheter/generelle-nyheter/2023/norsk-gass-viktig-for-europas-energisikkerhet/> (accessed: 18.09.2023, in Norw.).
 34. Utenriksminister Anniken Huitfeldt. Utenrikspolitisk redegjørelse // Norges Regjering [elektronisk ressurs]. 21.03.2023 // URL — <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/utenrikspolitisk-redegjorelse-2023/id2967341/> (accessed: 18.09.2023, in Norw.).
 35. NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. — [Brussels]: NATO, 2022. — 12 p.
 36. Kupriyanov A. Indo-Pacific as a Geopolitical Construct: Indian approaches and Russian interests // International Affairs. 2021. No. 11. — P. 60–71 (in Russ.).
 37. Korolev A. S. RCEP inside the System of Multilateral Economic Cooperation in Asia-Pacific // South-East Asia: Topical Development Issues. 2017. Issue XXXVI. — P. 46–57. (in Russ.).